

Оставление надписей на мавзолее Эрлангеров и мавзолее М. И. Волконской сквозь призму символического интеракционизма

Александр Ушаков

Места исполнения желаний, граффити и культурное наследие

Кладбища являются практически неотъемлемой частью человеческой жизни и смерти. Введенское кладбище, расположенное между улицей Лонгиновской и Госпитальным валом в Лефортове, исторически было иновеческим — первые захоронения на его территории начались в 1771 году, на нем находится памятник пленным французским солдатам войны 1812 года [Саладин, 1996, с. 69–75]; значительная часть надгробий выполнена в готическом стиле и украшена выточенными именами на немецком, польском, английском и французском языках. Тем не менее архитектурный облик Введенского кладбища и известные личности, захороненные на нем, не являются предметом интереса этой работы. Значительно более примечателен тот факт, что на территории Введенского кладбища располагается ряд мавзолеев, склепов и часовен (по данным А. Б. Мороза, не менее 12 [Мороз, 2021, с. 164]), вокруг которых сложилась специфическая социальная практика — на их стенах посетители кладбища оставляют разного рода надписи, большую часть

Ушаков Александр Сергеевич, студент-бакалавр, кафедра территориального развития им. В. Л. Глазычева, Институт общественных наук, Российская академия народного хозяйства и государственной службы (ИОН РАНХиГС); Москва, Российская Федерация. E-mail: ushakov_as_w@mail.ru

Статья посвящена исследованию уникальной современной городской практики, сложившейся на территории Введенского кладбища в Москве. В центре внимания находится феномен оставления посетителями надписей с просьбами об исполнении желаний на стенах исторических мавзолеев, в частности мавзолея княгини Волконской и мавзолея семьи Эрлангеров. Данная практика анализируется как пример «спонтанной обрядности», а для ее интерпретации привлекаются классические социологические концепции: понятия сакрального и профанного Эмиля Дюркгейма и теория обрядов перехода Арнольда ван Геннепа. Основной теоретической рамкой исследования выступают работы Ирвинга Гофмана и Уильяма Ллойда Уорнера. Автор показывает, что оставление надписей является особым видом социального действия, которое не вписывается в гофмановскую дихотомию пространств «переднего плана», где индивид исполняет социальную роль, и «закулисья», где он от нее отстранен. Различия в содержании просьб объясняются через теорию Уорнера. Его разграничение «действующих» и «мертвых» кладбищ позволяет связать вариативность прошений со степенью сохранности социального значения захоронения и ролью памятника как объекта, позволяющего «связать себя со спиритуализированной личностью».

Эмпирической базой послужил собранный автором корпус надписей, которые были сгруппированы по тематике (просьбы о благополучии, отношениях, материальных благах и др.). Проведенный сравнительный анализ выявил значимые различия в содержании и стилистической форме прошений, оставленных на стенах разных мавзолеев, что подтверждает теоретические предпосылки. В заключение в статье также затрагивается аспект взаимодействия этих надписей, как специфической формы граффити, с объектами культурного наследия и шире — с городской средой.

Ключевые слова: граффити; спонтанная обрядность; мавзолеем Эрлангеров; мавзолеем Волконской; символический интеракционизм; Чикагская школа социологии

из которых составляют просьбы об исполнении желаний, что позволяет охарактеризовать данное явление как пример спонтанной городской обрядности (самовоспроизводящейся обрядовой практики в городском ландшафте, исполняемой разными, не организованными заранее людьми независимо друг от друга [Громов, 2013]).

Согласно Дюркгейму, все религиозные явления разделяются на категории «верований» и «обрядов», при этом все верования обладают одной общей чертой: разделение всех реальных и идеальных вещей на два класса – профанные и сакральные, которые отделены от первых запретами и особыми правилами поведения и являются символическим выражением общества и его влияния на индивида [Дюркгейм, 2018, с. 80, 86, 353–356]. Обряды же – это «правила поведения, которые предписывают, как человек должен вести себя со священными вещами», при этом священной может быть любая вещь – от камня до Бога. Проведение обряда «практически невозможно без того, чтобы профанное не утратило своих специфических черт, чтобы оно само некоторым образом и в определенной мере не стало священным» [Дюркгейм, 2018, с. 86].

Для описания процесса перехода между профанным и сакральным состоянием необходимо обратиться к понятию «обрядового перехода». Согласно ван Геннепу, «жизнь конкретного человека обусловлена последовательными переходами от одного возраста к другому и от одного рода деятельности к другому» и «всякое изменение в положении человека влечет за собой взаимодействие светского и сакрального. Оно требует регламентации и соблюдения ритуала, дабы общество в целом не испытало затруднений и не понесло ущерба» [ван Геннеп, 1999, с. 8–9]. Эти ритуалы (обряды перехода) состоят из прелиминарных обрядов (отделение от прежнего, профанного мира), лиминарных обрядов, совершаемых в промежуточный период, и постлиминарных обрядов (включение в новый, сакральный мир).

В работе Громова выделяются три типа мест, связанных со спонтанной городской обрядностью: 1) места, обслуживающие смену социального статуса (например, посещение достопримечательностей в ходе свадебной церемонии или натирание памятника в честь завершения учебного заведения); 2) места исполнения желаний (оставление записок, подношение монет и пр.); 3) мемориалы в память погибших (например, возложение цветов у мест совершения террористических актов) [Громов, 2013]. Первый и третий тип создаются обрядами перехода – «церемониями, сопровождающими переход из одного состояния в другое, из одного мира (космического или общественного) – в другой» [ван Геннеп, 1999, с. 15], где первый тип мест обслуживает обряды инициации и бракосочетания, а третий служит как этап отделения в ходе похоронных и траурных обрядов. Примечательно, что обряды, формирующие места исполнения желаний, не являются в строгом смысле обрядами перехода, так как они не обслуживают смену социального статуса индивида, но при этом индивид, совершая обряд, ставит изменение социального статуса своей целью. В то же время места исполнения желаний могут формироваться около существующих сакральных объектов – в качестве примеров Громовым приводятся почитание могилы, в которой якобы похоронена бандитка Сонька Золотая Ручка [Громов, 2013], и Напрудной башни Новодевичьего монастыря, ставшей местом почитания «святой Софьи» [Громов, Ипполитова, 2011, с. 76–87].

Наиболее обстоятельной работой по спонтанной городской обрядности на Введенском кладбище является статья А. Б. Мороза «Черный спаситель», описывающая историю возникновения культа исполнения желаний вокруг склепа Кнопа. Согласно Морозу, особенностью почитания склепов на Введенском кладбище является направленность на исполнение желаний и отсутствие привязки желаний к захороненному субъекту – иными словами, для загадывающих желание важно само

Цитирование: Ушаков, А. (2025). Оставление надписей на мавзолее Эрлангеров и мавзолее М. И. Волконской сквозь призму символического интеракционизма. *Городские исследования и практики*, 10(4), 43–53. <https://doi.org/10.17323/usp104202543-53>

наличие усыпальницы, воспринимаемой ими как культовый и/или религиозный объект [Мороз, 2021, с. 164]. Большая часть надписей на мавзолеях и склепах ни к кому не обращена, несущественная часть просителей обращается к Богу. Исключением является мавзолей Эрлангеров, где было оставлено «незначительное число надписей», обращенных к собственно Эрлангеру и его семейству. Автор объясняет это отличие тем, что над входом в мавзолей золотыми буквами сделана надпись «Семья Эрлангер» [Мороз, 2021, с. 165].

Мавзолей Эрлангеров был построен в 1914 году под руководством архитектора Ф. О. Шехтеля, в нем находится мозаичное панно, выполненное К. С. Петровым-Водкиным [Департамент культурного наследия города Москвы, 2019]. Примерно в 10 м от мавзолея Эрлангеров располагается мавзолей княгини М. И. Волконской (урожденной Геннесиен), выполненный в неоготическом стиле и датируемый 1850-ми годами (рис. 1) [Департамент культурного наследия города Москвы, 2022]. Статус объектов культурного наследия в сочетании с многочисленными надписями, покрывающими фасады обоих зданий (рис. 2, 3), создает их особую туристическую привлекательность. Надписи, оставленные на стенах мавзолеев посетителями кладбища, не включены в предмет охраны – напротив, они являются актами вандализма по отношению к объектам культурного наследия, как минимум нарушающими изначальные колористические решения. Это противоречие побуждает обратиться к анализу схожих кейсов в предметном поле исследований наследия (*heritage studies*).

Оставление надписей (или же в более широком смысле – граффити) на объектах, имеющих сакральный статус внутри сообщества, не является сколь-нибудь новой практикой. Ярким примером служит ораторий Святого Себастьяна в коммуне Арборио в Италии, на фресках которого сохранились надписи, оставленные местными жителями в период с 1531 по 1889 год и описывающие ключевые события в жизни сообщества [Plesch, 2002]. Надписи следуют одной структуре (дата и событие), используют схожие грамматические конструкции и в подавляющем большинстве вычерчены на фресках с изображением святых, считающихся важными в местном сообществе, в то время как расположенные вблизи сцены Страстей Христовых получили значительно меньшее число надписей. По утверждению Плеш, надписи,

оставленные местными жителями на фресках оратория Святого Себастьяна, имели прежде всего религиозный характер. Через них верующие благодарили святого за благополучие и просили защиты от бед, а сам акт нанесения надписи становился точкой физического соприкосновения профанного и сакрального. В то же время эти надписи были частью обрядовой практики, которая позволяла жителям Арборио структурировать прошлое, ощущать контроль над ним и, отделяя его от настоящего, формировать свою местную идентичность. Тем не менее, несмотря на представленную в статье ценность исторических надписей и граффити, в ряде случаев реставраторы воспринимают их исключительно как повреждения, препятствующие сохранению изначального исторического объекта.

Согласно Меррилу, специалисты по наследию часто уделяют приоритетное внимание «основному» историческому периоду культурного объекта, а не всей его истории, что приводит к удалению недавних актов вандализма, даже если они могут иметь культурную ценность [Merrill, 2011]. Примером здесь могут послужить граффити, оставленные миротворцами ООН из миссии МООНРЗС (MINURSO) на наскальных рисунках возрастом около 6000 лет на скале Lajuad (Западная Сахара) – они разрушают исторически важный объект, но в то же время служат свидетельством современной напряженности в регионе и роли МООНРЗС в ней. Сложность сохранения граффити, даже признанных культурно значимыми (как в случае с работами Бэнкси), заключается в их эфемерности. Будучи уязвимыми для внешней среды и недолговечными, они требуют применения альтернативных подходов к сохранению наследия [Edwards-Vanderhoek, 2015; Merrill, 2011].

Также важно отметить, что граффити выступает в качестве практики, превращающей статичную городскую среду в пространство взаимодействия и коммуникации, – граффити служит «социальным дневником» городских сообществ, где стены превращаются в «холст, а социальные условия – в краску» [Tsilimpounidi, 2015]. Поверхности города могут не только направлять и инструктировать жителей, но и «разговаривать» с ними через граффити, муралы и афиши, формируя «насыщенное» визуальное пространство города [Samutina, Zaporozhets, 2015].

Близкое расположение мавзолеев (рис. 1) в сочетании с их одинаковой функ-

Рисунок 1. Мавзолей княгини Волконской (слева) и мавзолей Эрлангеров (справа)
 Источник: полевые материалы автора.

цией (места исполнения желаний) предполагает значительное пересечение аудиторий и, как следствие, сходство в тематике надписей [Громов, 2023]. Этой гипотезе, однако, противоречит факт наличия уникальной формы обращения к Эрлангерам, что может служить маркером особого символического статуса их мавзолея и тематических расхождений.

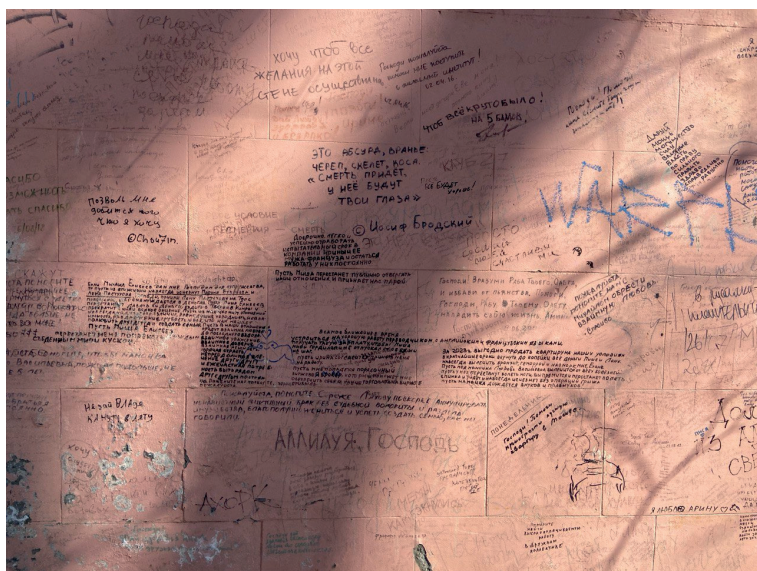
Цель данного исследования – определить, существуют ли тематические различия в надписях на мавзолеях Эрлангеров и Волконской, и установить, обусловлены ли эти различия неодинаковым символическим статусом объектов. Исследование основано на полевых материалах, собранных автором в марте 2024 года. Эмпирическую базу составили 230 надписей (113 на мавзолее Эрлангеров и 117 – на мавзолее княгини Волконской), зафиксированных на более чем 100 фотографиях. Для анализа данных применялись тематический и сравнительный методы. В тексте статьи надписи цитируются с сохранением оригинальной орфографии и пунктуации; сокращения обозначаются угловыми скобками (<...>).

Символический интеракционизм: кладбища и границы закулисья

В своей работе «Живые и мертвые» Уильям Уорнер определяет основную сакральную функцию кладбища следующим образом: оно призвано «дать подходящие символы для обозначения и выражения веры человека на обретение бессмертия посредством веры и ритуала христианства, а также в том, чтобы уменьшить его тревогу и страх перед смертью, обозначающей исчезновение его личности» [Уорнер, 2000, с. 317]. Кладбище помогает «сохранить живыми мертвых», оно

служит «символическим местом встречи мертвых и живых, мира сакрального и мира профанного, естественного и сверхъестественного» и является социальным символом, составленным из множества «обособленных индивидуальных символов» [Уорнер, 2000, с. 318]. Человек, пришедший на кладбище, может «понятным и эмоционально доступным способом связать себя со спиритуализированной личностью, пребывающей теперь во вневременном пространстве сверхъестественного иного мира» [Уорнер, 2000, с. 319] через конкретный физический объект, связанный с умершим, – могильный камень, памятник, склеп и т. п. По Уорнеру, секулярная жизнь покойного продолжается и после его смерти, пока память о нем сохраняется среди живых [Уорнер, 2000, с. 337–338], а надгробия служат символом бессмертия умерших и бессмертия общества, которому они принадлежат, ровно до того момента, пока их не перестают навещать – после надгробия становятся объектом исключительно исторического интереса. Аналогичный процесс, захватывающий уже целые кладбища, служит их разделению на «живые» и «исторические».

В рамках предложенного подхода можно предположить, что чета Эрлангеров сохраняет заметное присутствие в публичном пространстве. Подтверждением тому служат периодические публикации в СМИ, связывающие историю жизни главы семейства с практикой оставления желаний на стенах мавзолея [Фочкин, 2018; Соколова, 2025]. Биография княгини М. И. Волконской (урожденной Геннесиен), напротив, практически отсутствует в общедоступном поле: единственным источником, содержащим ее краткое жизнеописание, является акт государственной историко-культурной экспертизы [Департамент культурного наследия города Москвы, 2022]. Вероятно, в общественном восприятии мавзолей Волконской лишился своей персональной привязки и теперь несет лишь общее символическое значение, связанное с религией и историей. Мавзолей Эрлангеров, в свою очередь, продолжает функционировать как точка соприкосновения мира живых (профанного) и мира мертвых (сакрального). Проверка гипотезы о сохранении памяти об Эрлангерах и особом символизме их мавзолея сводится к анализу двух аспектов. Во-первых, следует установить, связаны ли тематически прошения с биографией Антона Эрлангера как успешного промышленника (например, просьбы о помощи в карьере, бизнесе и т.д.). Во-вторых, важно определить, являются ли обращения к нему осознанным ак-

Рисунок 2. Надписи на мавзолее княгини М. И. Волконской
 Источник: полевые материалы автора.

том, а не простым копированием формулировок в рамках механизма, описанного А. Б. Морозом.

В то же время важно отметить специфичность самой практики оставления надписей в каких бы то ни было публичных пространствах. Согласно драматургическому подходу Ирвинга Гофмана [Гофман, 2000], когда индивид и его действия видны другим, то у него появляются мотивы для того, чтобы попытаться контролировать впечатления, которые окружающие получают от наблюдения ситуации. По этой причине при взаимодействии с внешними акторами индивид практически никогда не действует полностью открыто, а всегда старается подстроиться под возлагаемые на него социальные ожидания — подобно актеру, надевает «маску» ожидаемой от него социальной роли, скрывающей аспекты личности, неподходящие текущей ситуации. По аналогии с театром, на «переднем плане» индивид ведет себя согласно социальным ожиданиям, а в «закулисье» он может, с одной стороны, готовиться к предстоящему «представлению», а с другой — не испытывает на себе обременение накладываемой социальной роли. Гофман утверждает, что разделение на «передний план» и «закулисье» существует не только в социальном, но и в физическом пространстве: красочные занавески вывешиваются на том окне, где их будет видно людям; существует деление на парадный вход и парадные комнаты (для гостей и для полноценных членов общества) и на черный вход и задние комнаты (для прислуги, то есть для тех, чьи действия не стоит представлять), есть учительские комнаты (в которых преподава-

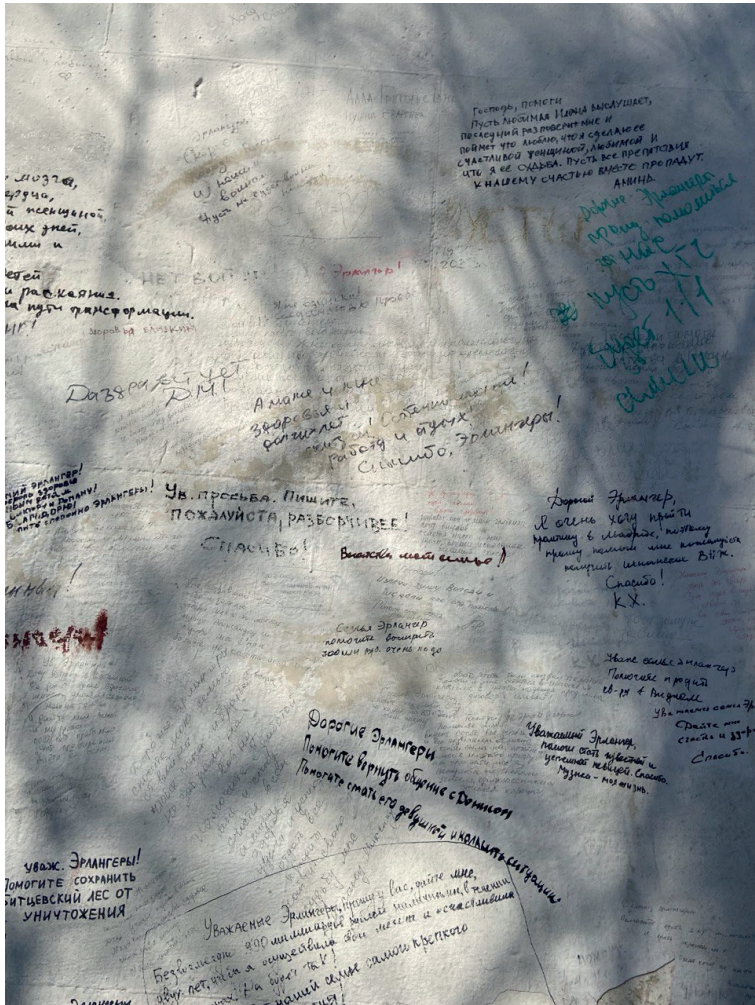
тельский состав ведет себя более «закулисно») и классные кабинеты (где учителя «играют представление») и т. д. Это разделение не перманентно, а потому некоторые пространства поочередно становятся то «передним планом» (кабинет руководителя во время совещания), то «закулисьем» (кабинет руководителя, когда тот в нем обедают).

Оставление надписей в публичных пространствах представляет собой амбивалентную практику «действия на переднем плане — действия в закулисье» по целому ряду причин. С одной стороны, результат действия по определению публичный — проходящие мимо люди при желании смогут прочесть оставленную индивидом надпись. С другой — само действие может быть совершенно одиночно и анонимно («закулисно»), а может быть совершенно коллективно и, следовательно, «на переднем плане». Кроме того, индивид, осознающий отложенную публичность оставляемой надписи, подпадает под влияние собственных установок о том, что является «ожидаемым поведением» при встрече с местами исполнения желаний. Исходя из этого, можно предположить, что чем выше известность места, тем сильнее оно ассоциируется с практикой оставления желаний. В связи с этим можно ожидать, что на мавзолее Эрлангеров, как более известном объекте, доля надписей, не являющихся просьбами, будет значительно ниже, чем на мавзолее Волконской.

Кто и кому оставляет надписи?

Подавляющее большинство надписей на мавзолеях носит анонимный характер, однако на 24 надписях авторы так или иначе раскрывают себя. Зачастую подпись оставляется в конце текста, например: «Пусть все будут счастливы! Натали» [В]¹. 4 раза авторы оставили указание на свою личность внутри текста: «Дорогие Эрлангеры! Помогите мне Насте вернуть любимого Бехзода. <...>» [Э]. Помимо имен, 4 человека оставили на мавзолеях свои контактные данные (никнейм в соцсети или номер телефона). Также было оставлено 4 надписи формата «С + Л = Любовь» [В] и одна — «Здесь был Давид» [В]. На каждом мавзолее было оставлено по 12 надписей с неанонимным автором. Скорее всего, аудитория людей, оставляющих надписи на мавзолеях, преимущественно женская: на мавзолее Эрлангеров были найдены

1. Здесь и далее [В] — надпись оставлена на мавзолее княгини Волконской, [Э] — на мавзолее Эрлангеров.

Рисунок 3. Надписи на мавзолее Эрлангеров

Источник: полевые материалы автора.

3 «мужских» текста, 21 «женский» текст, на мавзолее Волконской – 7 мужских и 25 женских. Возможно, несколько текстов было написано парами (в вариациях на «кто-то + кто-то = любовь»), также есть пример просьбы с двумя адресантами: «Милые Эрлангеры, дайте людям ума. Вера и Гена» [Э].

Весомая часть надписей, оставленных на обоих мавзолеях, содержала в себе обращение к адресату или к адресатам. Так, на мавзолее Волконской было обнаружено 46 обращений к Богу («Боже», «Господь», «Господи»), одно обращение к Эрлангерам и одно обращение к Богородице; на мавзолее Эрлангеров число обращений к Богу было незначительным – 4 вхождения, в то время как чуть больше половины надписей содержало в себе обращение к Эрлангеру или к Эрлангерам. На мавзолее Эрлангеров более распространена форма обращения к Эрлангерам (46 вхождений) – чаще всего обращаются к «уважаемым/дорогим/милым/ Эрлангерам», реже – к «господам Эрлангерам» (10 вхождений), наименее часто – к «семье Эрлангер» (5 вхождений). Было обнаружено

12 надписей, адресатом которых является «уважаемый» или «дорогой» Эрлангер в единственном числе, при этом по имени он упоминается лишь единожды: «Дорогой и уважаемый Антонио Эрлангер! Привет из Ялты, из твоей дачи на ул Чехова 5. Благодарим тебя за то, что ты сделал для нашего города Ялта. Инна. 13.09.2022 г.». Примечательно встретившееся трижды обращение к «Барону Эрлангеру»: «Уважаемый Барон Эрлангер! Прошу у Вас помощи в быстрой и успешной продаже дома». Адресанты практически никогда не обращаются к Богу и к Эрлангерам одновременно – такой случай был встречен лишь единожды: «Эрлангеры! Господи! Нужна помощь с работой, помогите получить ставку главного специалиста. Спасибо!» [Э]. Также было встречено уникальное обращение: «Жители этого кладбища, помогите человечеству» [Э].

Кроме того, часть надписей была обращена не к исполнителям, а к просителям желаний. Так, например, на мавзолее Эрлангеров кто-то написал: «Вы просите удачи у мертвых! Чтож вы ее получите на том свете. Ждем», а на мавзолее Волконской была встречена такая надпись: «Передаю привет дяде Славе». Детальнее этот феномен будет рассмотрен в следующем разделе.

Преобладание множественного числа в обращениях к Эрлангерам можно объяснить механическим копированием фасадной надписи «Семья Эрлангеръ». Эта гипотеза получит окончательное подтверждение, если тематический анализ не выявит существенных различий в прошениях на обоих мавзолеях.

Зачем пишут?

В ходе тематического анализа все надписи были разделены на три группы в зависимости от цели их авторов: просьбы об исполнении желаний, благодарности и прочие высказывания. Учитывая ритуальную функцию мавзолеев как мест исполнения желаний, прошения предсказуемо составили самую многочисленную категорию: 96 на мавзолее Эрлангеров и 89 – на мавзолее Волконской. Анализ выявил три основные формы, которые принимают просьбы об исполнении желаний:

1) собственно *просьбы* – «Ув. Эрлангеры! Пусть Гарик живет по-дольше! Прошу Вас! Умоляю!» [Э], «Помогите найти сестру» [Э], «Господи помогите нам с бизнесом. Чтобы было много заказов от клиентов» [В];

2) *желания* – «Пусть Таня родит в след году» [Э], «Чтобы вокруг меня крутилось

много мальчиков красивых и успешных» [В], «Я хочу чтобы у моей бабушки было много здоровья» [В];

3) *аффирмации* (перечисления собственных желаемых качеств в форме настоящего времени) – «Я успешная художница и я следую за своей судьбой. Я счастлива, как и мои друзья и близкие. Я излучаю свет и живу полной жизнью!!!» [В].

Количественное распределение форм желаний неравномерно. Прямые просьбы преобладают на мавзолее Эрлангеров (74 против 62), что может быть следствием популярности готовой формулы обращения. Количество надписей-констатаций желаний на обоих объектах примерно одинаково (около 20), тогда как аффирмации встречаются крайне редко (1 на мавзолее Эрлангеров, 4 – на мавзолее Волконской). Более подробный разбор прошений² будет представлен в следующем разделе.

Наименее многочисленной категорией надписей являются благодарности за исполненные желания: 3 на мавзолее Эрлангеров и 2 – на мавзолее Волконской. Связано это в том числе и с тем, что выражение благодарности зачастую идет в связке с прошением об исполнении нового желания (например: «Уважаемые Эрлангеры, благодарю за исполнение желания! Прошу, пожалуйста, помогите продать квартиру до конца июня за нашу адекватную цену, отдать долги и забрать Сониного сына. Спасибо, Господи, за все, что у меня есть!» [Э]).

Вторую по численности категорию составляют надписи, цель которых – выразить мысль или обратиться к другим посетителям (далее – сообщения). К ним были отнесены приписки к чужим пожеланиям («я тоже», «надеюсь, ты не рисуешь фурри» [В] и т. п.), стихи и поэтические высказывания («Любить нельзя забыть» [Э], «Потому что все действительно очень хрупкое» [В], «“Это абсурд, вранье: / Череп, скелет, коса. / Смерть придет, у нее / Будут твои глаза” Иосиф Бродский» [В]), публичное отторжение практики и попытки ее изучить («***[Нет] вам всем! Надоели!» [Э], «Просьба, пишите разборчивее. Нужно для научной работы. Спасибо!» [Э]) и прочие рисунки и надписи, не содержащие в себе прошений («[номер мобильного телефона]» [Э], «M + PG [в сердечке]» [Э], «Yellowcard тоже распались(((камбэкнитесь пж [грустный кот]» [В], «Радфем топ» (надпись в сердечке, перечеркнута крестом) [В]).

2. В следующих разделах все формы выражения желаний (просьбы, желания и аффирмации) объединяются под термином «прошения» для достижения ясности изложения.

Существенная разница в количестве неритуальных сообщений – 15 на мавзолее Эрлангеров против 32 на мавзолее Волконской (13% и 27% соответственно) – подтверждает гипотезу об «ожидаемом поведении». На более известном объекте посетители вдвое реже отклоняются от его основной ритуальной функции. Вместе с тем этот же факт, в совокупности с медийным освещением истории Эрлангеров, ставит под сомнение идею об «обращении-кальке». Можно предположить, что осведомленность посетителей не ограничивается ритуальной функцией места, но распространяется и на личность адресата. Впрочем, окончательно подтвердить или опровергнуть это предположение может только тематический анализ самих прошений.

О чем просят?

1. *Общее благополучие.* Эта категория объединяет просьбы о получении абстрактных благ, не имеющих конкретных измеримых показателей, но отражающих представление о хорошей жизни: счастья, здоровья, богатства, успеха, безопасности, терпения и т.д.: «Господи, помоги мне стать счастливой, здоровой, успешной и богатой» [В], «Хочу чтоб все желания на этой стене осуществились» [В], «Господи помоги моей семьей и тех кого люблю быть счастливее и быть здоровыми всегда. Господи и если останется время на меня то помоги добиться заветных целей и исполнить свои желания» [В], «Дайте сил пережить все это» [Э], «Дорогие Эрлангеры, помогите, пожалуйста, моим друзьям обрести счастье и покой!» [Э], «Alle meine Wünsche ins leben kommen [Чтоб все мои желания претворились в жизнь]» [Э]. Как видно из приведенных примеров, бенефициаром таких прошений может быть не только сам проситель, но и его окружение и даже все те, кто оставил на мавзолее свое желание.

2. *Материальные блага.* Эти прошения можно разделить на несколько подтем:

- Карьера и бизнес: «Эрлангеры! Господи! Нужна помощь с работой, помогите получить ставку главного специалиста. Спасибо!» [Э], «Уважаемый Эрлангер, помоги стать известной и успешной певицей. Спасибо. Музыка – моя жизнь» [Э], «Господи помоги нам с биз-

несом. Чтобы было много заказов от клиентов» [В].

- Недвижимость: «Уваж. семья Эрлангер. Помогите продать кв-ру в Видном» [Э], «Уважаемый Г-н Эрлангер! Помогите пожалуйста купить квартиру в Москве!» [Э], «Помоги, Господи продать 2 участка [неразборчиво] по доступной цене» [В], «Всемогущий Господь вседержитель, помоги нам продать все книги на авито. Аминь! 15.3.24» [В].
- Образование: «Ув. Эрлангеры, помогите сдать экзамены! [крест]» [Э], «Дорогие Эрлангеры! Помогите хорошо закончить учебный год, <...>» [Э], «Господи пожалуйста помоги мне поступить в желаемый институт! 02.04.16» [В].
- Конкретные вещи и возможности: «Желаю БМВ х6 новый черного цвета из салона» [Э], «Хочу много путешествовать» [В], «Хочу свою хату и КОТОВ!!!» [В].

3. *Отношения.* Третью крупную категорию составляют надписи, посвященные отношениям. В ней можно выделить следующие подтемы:

- Начало романтических или семейных отношений: «Дорогие Эрлангеры, хочу, чтобы Алексей меня полюбил, предложил встречаться в течение трех дней, и чтобы он сегодня проводил меня. Благодарю и принимаю!» [Э], «Пусть я выйду замуж» [В].
- Поддержание романтических или семейных отношений: «Господь, помоги. Пусть любимая Илона выслушает, последний раз поверит мне и поймет что люблю, что я сделаю ее счастливой женщиной, любимой и что я ее судьба. Пусть все препятствия к нашему счастью вместе пропадут. Аминь» [Э], «Господи, пусть у нас с Витей все будет хорошо. Хочу, чтобы мы попробовали начать жить вместе» [В]. К этой группе также были отнесены просьбы о поддержании хороших отношений с родителями, родственниками и детьми, например: «Господи хочу чтобы отец мною гордился» [В].
- Деторождение: «Ув. господа Эрлангеры! Помогите мне забеременеть и родить здорового крепкого сына. Аминь» [Э], « <...> Даше выйти замуж за доброго богатого человека. Чтобы меня любила и троих деток родила» [В].

Единичные просьбы о начале и поддержании дружеских отношений были отнесены к первой и второй подтемам соответственно.

4. *Разрешение кризиса.* Отдельную категорию образуют просьбы, связанные не с достижением благополучия, а с преодолением кризисных жизненных обстоятельств. В частности, на стенах мавзолеев встречаются прошения:

- Об исцелении болезней. Они хотят избавиться от зависимостей («Ув. Эрлангер! Помогите сыну Кириллу, избавьте от алкоголя <...>» [Э], «Помогите мне бросить курить» [В], «Господи помогите избавиться от героиновой зависимости» [В]), вылечить заболевания – как относительно легкие («Ув. господа Эрлангеры! Пожалуйста, помогите мне вылечить бронхит, геморрой и насморк!!!» [Э]), так и смертельно опасные («Ув. господа Эрлангеры. Пожалуйста, помогите моей мамочке Любове Васильевне вылечиться от всех болезней. Пусть ее прекратят мучить головные боли, болеть ноги, распрямится и перестанет болеть спинка и без операции исчезнет грыжа. Пусть моя мамочка дождет внуков и правнуков» [Э], «Папа, живи» [В]).
- О прекращении войны: «Эрлангеры, [нрзб.] и нашим воинам. Пусть не будет война никогда!» [Э], «Господи, помоги. Сделай так, чтобы не было войны, чтобы сыновей не забрали на войну. Спаси и сохрани» [В].
- О смерти. Прощения о смерти направлены либо на недоброжелателей («Ув. Эрлангеры, пусть наши враги сдохнут!» [Э], «Ув. Эрлангеры! Пусть эта тварь Гуля сдохнет в тюрьме!» [Э]), либо на самого просителя («Господи заведи меня, пошли мне быструю и легкую мгновенную смерть. В этот год» [В]).
- О воскрешении умерших: «Господи, воскреси моего мужа Александра, а если это невозможно, заведи меня к нему. Я очень скучаю без него, мне плохо. Люблю его» [В], «Хочу, чтобы моя дочь снова была жива 14.5.2014 г.» [В].
- О решении проблем с законом: «Помогите убрать черную полосу в жизни и чтоб отстали полицаи!» [Э], «Господи, помоги пережить все это, чтобы его поскорее освободили и он ко мне вернулся» [В].

Детальное распределение тем и подтем представлено в таблице 1. Сумма входящих по всем темам превышает общее число надписей, поскольку некоторые сообщения содержат прошения, относящиеся к разным категориям.

Тематический анализ подтверждает гипотезу о связи содержания прошений с личностью погребенного. Так, на мавзолее Эрлангеров, известного как «мукомольный король» [Фочкин, 2018; Соколова, 2025], самой популярной темой ожидаемо стали материальные блага (40 вхождений, 28%). В то же время на мавзолее Волконской преобладают неритуальные сообщения (32 вхождения, 23%). Хотя тема общего благополучия распространена на обоих объектах почти одинаково (23% и 22% соответственно), существенный перевес просьб о материальных благах и отношениях на мавзолее Эрлангеров (на 11 упоминаний по каждой теме) свидетельствует о его четкой символической «специализации». В то же время преобладание просьб об отношениях на мавзолее Эрлангеров, в отличие от просьб о материальном успехе, не находит прямого объяснения в медийном освещении. Вероятнее всего, здесь играют роль два фактора. Во-первых, общая популярность объекта как места исполнения желаний. Во-вторых, что более важно, фасадная надпись «Семья Эрлангеры», которая делает обращения по вопросам личной жизни и брака символически уместными. Учитывая это, можно с осторожностью заключить, что публичный образ («секулярная жизнь») семейства Эрлангеров действительно влияет на тематическое содержание надписей на их мавзолее.

Заключение

Результаты исследования подтверждают гипотезу об «ожидаемом поведении» при взаимодействии с местами исполнения желаний, основанную на концепции Ирвинга Гофмана. Было установлено, что на мавзолее Эрлангеров, как более известном объекте, доля надписей, не являющихся прошениями, значительно ниже, чем на мавзолее Волконской. Это различие сопровождается и тематической специализацией: для мавзолея Эрлангеров характерны просьбы о материальных благах, тогда как для мавзолея Волконской – неритуальные сообщения. Таким образом, надписи, с одной стороны, разрушая памятник, с другой – создают эфемерный архив, содержание которого напрямую зависит от публичной репутации объекта.

Вместе с тем однозначно определить степень влияния «секулярной жизни» Эрлангеров на тематику надписей пока невозможно. С одной стороны, преобладание просьб о материальных благах прямо

коррелирует с образом «мукомольного короля». С другой стороны, высокая популярность прошений об отношениях, не связанная с этим образом, усложняет интерпретацию. Чтобы разграничить влияние этих факторов и подтвердить гипотезу об осознанном выборе адресата, необходимо проведение дальнейших исследований, включающих интервью с посетителями и увеличение выборок.

Благодарности

Выражаю благодарность Нине Александровне Любинарской за помощь в написании работы.

Источники

- Геннеп, А. ван. (1999). *Обряды перехода: систематическое изучение обрядов*. Москва: Издательская фирма «Восточная литература» РАН.
- Гофман, И. (2000). *Представление себя другим в повседневной жизни*. Москва: КАНОН-пресс-Ц; Кучково поле.
- Громов, Д. В. (2013). Обрядность в городском ландшафте: объекты и практики. *Традиционная культура*, (3), 71–82.
- Громов, Д. В. (2024). Камни-записки на могиле Максимилиана Волошина. *Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология»*, (4), 92–111.
- Громов, Д. В., и Ипполитова, А. Б. (2011). Карта человеческих желаний, или Записки у стен московского монастыря. *Традиционная культура*, (2), 76–87.
- Департамент культурного наследия города Москвы. (2019). Распоряжение № 366 «Об утверждении предмета охраны объекта культурного наследия федерального значения (памятника) “Мавзолеем Эрлангеров, 1914 г., арх. Шехтель Ф. О., худ. Петров-Водкин К. С.”». https://www.mos.ru/upload/documents/files/7039/MavzoleiErlangerov_ot02072019_16-31-366_9.pdf.
- Департамент культурного наследия города Москвы. (2022). Акт ГИКЭ проектной документации по сохранению объекта культурного наследия регионального значения «Ансамбль часовен Введенского кладбища, XIX – начало XX в.: Мавзолеем княгини М. И. Волконской (урожденной Геннесиен) (1803–1849), 1850-е гг.» по адресу: г. Москва, ул. Наличная, д. 1 (Введенское кладбище, участок 11). <https://www.mos.ru/dkn/documents/discussions/view/16677221>.
- Дюркгейм, Э. (2018). *Элементарные формы религиозной жизни: тотемическая система в Австралии*. Москва: Издательский дом «Дело» РАНХиГС.
- Мороз, А. Б. (2021). Почитаемые склепы на Введенском кладбище в Москве: «Черный Спаситель» – история культа. *Этнографическое обозрение*, (1), 163–178.
- Саладин, А. Т. (1997). *Очерки истории московских кладбищ*. Москва: Книжный сад.

Тема/подтема	Мавзолей Эрлангеров		Мавзолей Волконской	
	число вхождений	% от числа вхождений	число вхождений	% от числа вхождений
1. Общее благополучие	33	23,1	31	22,3
2. Материальные блага	40	28	29	20,9
2.1. Карьера	14	9,8	13	9,4
2.2. Недвижимость	13	9,1	5	3,6
2.3. Образование	6	4,2	7	5
2.4. Конкретная вещь	7	4,9	4	2,9
3. Отношения	32	22,4	21	15,1
3.1. Начало	17	11,9	15	10,8
3.2. Поддержка	9	6,3	4	2,9
3.3. Деторождение	5	3,5	2	1,4
4. Разрешение кризиса	19	13,3	24	17,3
4.1. Исцеление болезни	8	5,6	9	6,5
4.2. Война	6	4,2	7	5
4.3. Пожелание смерти	3	2,1	3	2,2
4.4. Воскрешение	0	0	3	2,2
4.5. Проблемы с законом	2	1,4	2	1,4
5. Сообщения	15	10,5	32	23
6. Благодарность	4	2,8	2	1,4

Таблица 1. Тематическая структура надписей, оставленных на мавзолее Эрлангеров и мавзолее Волконской (М.Э. – 113 надписей, М.В. – 117 надписей)

Источник: на основании полевых материалов автора.

- Соколова, А. (2025, 29 января). Загадочная сила Эрлангера: место в Москве, где исполняются желания. *Аргументы и факты*. <https://aif.ru/society/people/zagadochnaya-sila-erlangera-mesto-v-moskve-gde-ispolnyayutsya-zhelaniya>.
- Уорнер, У. (2000). *Живые и мертвые*. Москва: Университетская книга.
- Фочкин, О. (2018, 12 декабря). Склеп исполнения желаний. *Вечерняя Москва*. <https://vm.ru/society/462723-sklep-ispolneniya-zhelanij>.
- Edwards-Vandenhoeck, S. (2015). You aren't here: Reimagining the place of graffiti production in heritage studies. *Convergence*, 21(1), 78–99.
- Merrill, S.O.C. (2011). Graffiti at Heritage Places: Vandalism as Cultural Significance or Conservation Sacrilege? *Time and Mind*, 4(1), 59–75.
- Plesch, V. (2002). Memory on the wall: Graffiti on the religious buildings. *Journal of Medieval and Early Modern Studies*, 32(1), 167–197.
- Samutina, N., Zaporozhets, O. (2015). Berlin, the City of Saturated Walls. *Laboratorium: Russian Review of Social Research*, 7(2), 36–61.
- Tsilimpounidi, M. (2015). "If These Walls Could Talk": Street Art and Urban Belonging in the Athens of Crisis. *Laboratorium: Russian Review of Social Research*, 7(2), 18–35.

THE PRACTICE OF LEAVING INSCRIPTIONS ON THE ERLANGER AND VOLKONSKAYA MAUSOLEUMS: A SYMBOLIC INTERACTIONIST PERSPECTIVE

Aleksandr S. Ushakov, Undergraduate Student, V.L. Glazychev Department of Territorial Development, Institute for Social Sciences, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA); Moscow, Russian Federation.
E-mail: ushakov_as_w@mail.ru

This article examines a unique contemporary urban practice that has emerged at the Vvedenskoye Cemetery in Moscow. The focus is on visitors leaving inscriptions with wishes on the walls of historic mausoleums, particularly the mausoleum of Princess Volkonskaya and the mausoleum of the Erlanger family. This practice is analyzed as an example of "spontaneous ritualism," and its interpretation draws on classic sociological concepts: Émile Durkheim's notions of the sacred and the profane and Arnold van Gennep's theory of rites of passage. The main theoretical framework for the study is provided by the works of Erving Goffman and William Lloyd Warner. The paper demonstrates that leaving inscriptions is a special kind of social action that does not fit into Goffman's

dichotomy of "front stage" spaces, where an individual performs a social role, and "backstage" spaces, where one is detached from it. Differences in the content of the wishes are explained through Warner's theory. His distinction between "living" and "dead" cemeteries makes it possible to link the variability of the wishes to the degree to which the social significance of the burial is preserved and the role of the monument as an object that allows one to "connect oneself with a spiritualized personality."

The empirical basis was a corpus of inscriptions collected by the author, which were grouped thematically (requests for well-being, relationships, material goods, etc.). A comparative analysis revealed significant differences in the content and stylistic form of the requests left on the walls of the different mausoleums, which confirms the theoretical premises. In conclusion, the article also touches upon the interaction of these inscriptions, as a specific form of graffiti, with cultural heritage sites and, more broadly, with the urban environment.

Keywords: graffiti; spontaneous ritualism; Erlanger mausoleum; Volkonskaya mausoleum; symbolic interactionism; Chicago school of sociology

Citation: Ushakov, A. (2025). The Practice of Leaving Inscriptions on the Erlanger and Volkonskaya Mausoleums: A Symbolic Interactionist Perspective. *Urban Studies and Practices*, 10(4), 43-53. <https://doi.org/10.17323/usp104202543-53>

References

- Departament kul'turnogo naslediya goroda Moskvyy. (2019). *Rasporyazheniye № 366 "Ob utverzhdenii predmeta okhrany ob'yekta kul'turnogo naslediya federal'nogo znacheniya (pamyatnika) 'Mavzoley Erlangerov, 1914 g., arkh. Shekhtel' F.O., khud. Petrov-Vodkin K.S.'"* [Decree No. 366 "On the approval of the subject of protection of the object of cultural heritage of federal significance (monument) 'The Erlanger Mausoleum, 1914, arch. F.O. Shekhtel, art. K.S. Petrov-Vodkin'"]. https://www.mos.ru/upload/documents/files/7039/MavzoleiErlangerov_ot02072019_16-31-366_9.pdf.
- Departament kul'turnogo naslediya goroda Moskvyy. (2022). *Akt GIKE proektnoy dokumentatsii po*

sokhraneniyu ob'yekta kul'turnogo naslediya regional'nogo znacheniya "Ansaml' chasoven Vvedenskogo kladbishcha, XIX - nachalo XX vv.: Mavzoley knyagini M.I. Volkonskoy (urozhdennoy Gennissiyen) (1803-1849), 1850-ye gg." po adresu: g. Moskva, ul. Nalichnaya, d. 1, (Vvedenskoye kladbishche, uchastok 11) [Act of the state historical and cultural expertise of the project documentation for the preservation of the object of cultural heritage of regional significance "Ensemble of chapels of the Vvedenskoye cemetery, 19th-early 20th centuries: Mausoleum of Princess M.I. Volkonskaya (nee Genissien) (1803-1849), 1850s" at the address: Moscow, Nalichnaya st., 1, (Vvedenskoye cemetery, plot 11)]. <https://www.mos.ru/dkn/documents/discussions/view/16677221>.

- Dyurkgeym, E. (2018). *Elementarnyye formy religioznoy zhizni: totemicheskaya sistema v Avstralii* [The Elementary Forms of Religious Life: The Totemic System in Australia]. Moscow: Izdatel'skiy dom "Delo" RANKHiGS.
- Edwards-Vandenhoeck, S. (2015). You aren't here: Reimagining the place of graffiti production in heritage studies. *Convergence*, 21(1), 78-99.
- Gennep, A. van. (1999). *Obrady perekhoda: Sistematicheskoye izucheniye obryadov* [The Rites of Passage: A Systematic Study of Rites]. Moscow: Izdatel'skaya firma "Vostochnaya literature" RAN.
- Goffman, E. (2000). *Predstavleniye sebya drugim v pousednevnoy zhizni* [The Presentation of Self in Everyday Life]. Moscow: KANONpress-Ts; Kuchkovo pole.
- Gromov, D.V. (2013). Obryadnost' v gorodskom landshafte: ob'yekty i praktiki [Rituals in the urban landscape: Objects and practices]. *Traditsionnaya kul'tura* [Traditional Culture], (3), 71-82.
- Gromov, D.V. (2024). Kamni-zapiski na mogile Maksimiliana Voloshina [Stone notes on the grave of Maximilian Voloshin]. *Vestnik RGGU. Seriya "Literaturovedeniye. Yazykoznaniye. Kul'turologiya"* [RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Culturology" Series], (4), 92-111.
- Gromov, D.V., & Ippolitova, A.B. (2011). Karta chelovecheskikh zhelaniy, ili zapiski u sten moskovskogo monastyrya [A map of human desires, or notes at the

walls of a Moscow monastery]. *Traditsionnaya kul'tura* [Traditional Culture], (2), 76-87.

- Merrill, S.O.C. (2011). Graffiti at Heritage Places: Vandalism as Cultural Significance or Conservation Sacrilege? *Time and Mind*, 4(1), 59-75.
- Moroz, A.B. (2021). Pochitayemyye sklepy na Vvedenskom kladbishche v Moskve: "Chernyy Spasitel'" - istoriya kul'ta [Venerated crypts at the Vvedenskoye cemetery in Moscow: "The Black Savior" - the history of a cult]. *Etnograficheskoye obozreniye* [Ethnographic Review], (1), 163-178.
- Plesch, V. (2002). Memory on the wall: Graffiti on the religious buildings. *Journal of Medieval and Early Modern Studies*, 32(1), 167-197.
- Saladin, A.T. (1997). *Ocherki istorii moskovskikh kladbishch* [Essays on the History of Moscow Cemeteries]. Moscow: Knizhnyy sad.
- Samutina, N., Zaporozhets, O. (2015). Berlin, the City of Saturated Walls. *Laboratorium: Russian Review of Social Research*, 7(2), 36-61.
- Sokolova, A. (2025, January 29). Zagadochnaya sila Erlangera: mesto v Moskve, gde ispolnyayutsya zhelaniya [The mysterious power of Erlanger: a place in Moscow where wishes come true]. *Argumenty i Fakty* [Arguments and Facts]. <https://aif.ru/society/people/zagadochnaya-sila-erlangera-mesto-v-moskve-gde-ispolnyayutsya-zhelaniya>.
- Tsilimpounidi, M. (2015). "If These Walls Could Talk": Street Art and Urban Belonging in the Athens of Crisis. *Laboratorium: Russian Review of Social Research*, 7(2), 18-35.
- Warner, W. (2000). *Zhivyye i mertvyye* [The Living and the Dead]. Moscow: Universitetskaya kniga.